
IV. ЭТНОПРОСТРАНСТВО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

УДК 811.512.31
DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-177-189

РАЗНОУРОВНЕВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ В «АЛТАН ТОБЧИ»

© Дамбуева Полина Петровна

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт языкознания РАН
Россия, г. Москва
polina-dambueva@iling-ran.ru

Введение. Категория модальности в «Алтан тобчи» представлена системой разноуровневых средств, имеющих ядерно-периферийную организацию, включающую в себя формы настоящего времени изъявительного наклонения как центр функционально-семантического поля и остальные экспликативные модальности, в которых модальная составляющая по мере отдаления от центра функционально-семантического поля слабеет: если в формах настоящего времени изъявительного наклонения наблюдается совпадение действия с моментом речи, то в отдалении от ядра реальность размывается до значений потенциальности и ирреальности. *Цель.* В статье автор выявляет морфологический, лексический, синтаксический, лексико-грамматический, фонетический уровни выражения категории модальности, особо выделяя морфологический уровень как показатель своеобразия агглютинативного языка в использовании средств выражения модальных значений. При этом заметно стремление автора показать, что конститuentы функционально-семантического поля модальности не представляют собой закрытый список: на современном этапе он пополняется за счет несобственно-модальных модификаторов и средств выражения. *Результаты.* Рассматривая архаичные формы наклонения в тексте «Алтан тобчи», автор замечает, что разговорная речь, которая из-за своей экспрессивности всегда сопряжена с модальностью, расшатывала традиции письменного монгольского языка. Так, в современных монгольских языках не обнаруживаем таких формантов индикатива как -уи, -т, -тү, -түи, түи, и исчезновение это, вероятно, объясняется тем, что, по мере того, как в языке все более развивалась способность передавать различные модальные нюансы означаемого (они все более конкретизировались), добавлялись средства для этой передачи: увеличивалось количество модальных частиц, модальных глаголов, модальных слов, особенно функционально-модальных слов, которые все чаще «перетягивали» на себя выражение модальных значений с индикативных форм.

Ключевые слова: категория, функционально-семантическая категория, модальность, экспликативные модальности, морфологический уровень, лексический уровень, синтаксический уровень, фонетический уровень.

MULTI-LEVEL MEANS OF EXPRESSING MODALITY IN «ALTAN TOBCHI»

Polina P. Dambueva
Dr. Sc. (Phil.), Leading Research Associate
Institute of Linguistics of the RAS
Moscow, Russia
polina-dambueva@iling-ran.ru

The category of modality in “Altan tobchi”@’ is represented by the system of multi-level means, that have a nuclea-periferal organisation, including the forms of the present indicative mood as the centre

of the functional-semantic field and other explicators of modality, where the modal component weakens while separating from the centre of the functional-semantic field: if in the forms of the present tense of the indicative mood there is a coincidence of the action with the moment of speech, then far from the core, reality is blurred to the values of potentiality and unreality. *Purpose.* In the article, the author reveals the morphological, lexical, syntactic, lexico-grammatical, phonetic levels of expressing the category of modality, identifying the morphological level as an indicator of the agglutinative language originality in the use of means of expressing modal meanings. At the same time the author seeks to show that the constituents of the functional-semantic field of modality are not a closed list: at the present stage it is replenished due to modal modifiers and means of expressing. *Results.* Considering the archaic mood forms in the text of Altan tobchi, the author notes that colloquial speech, which due to its expressiveness is always associated with modality, undermined the traditions of the written Mongolian language. So, in modern Mongolian languages we do not find such indicative formats as -yu, -m, -mu, -mü, -mui, -müi, and this disappearance takes place probably due to the fact that, as the ability of language to convey various modal nuances of the signified (they were becoming more specific) was increasingly enhanced, the means of this transfer were added: the number of modal particles, modal verbs, modal words, especially functional-modal words, which were «outweighing» in expressing modality from indicative forms, increased.

Keywords: category, functional-semantic category, modality, explicators of modality, morphological level, lexical level, syntactic level, lexico-grammatical level, phonetic level.

Как известно, модальность — это функционально-семантическая категория, выражающая разные отношения говорящего к содержанию своего высказывания. Содержание своего высказывания говорящий может считать реальным, соответствующим действительности (реальная модальность), о чем он может сообщить, употребив в своей речи глаголы в настоящем и прошедшем времени. При этом свою убежденность в несомненности сказанного говорящий может подчеркивать с помощью утвердительных частиц и ссылок на достоверные источники.

Высказывая предположение (ирреальная модальность), говорящий выбирает другие языковые средства — глагол в будущем времени, глагол в сослагательном наклонении, вводные слова и конструкции (*наверное, вероятно, как мне кажется*), частицы (*авось обойдется, а ты поди испугался*). Как видим, средства выражения модальности наблюдаются на разных ярусах языка, они не рядоположены, что объясняется сложной природой этого явления, выражаемого в языке не только грамматической оппозицией.

Основные значения реальной и ирреальной модальности осложняются различными оттенками значений: пожелания, опасения, сомнения, уступки и т. д. (субъективная модальность), которые в русском языке чаще выражаются частицами, а в монгольских языках — суффиксами, например: *бодог* «пусть встанет», *бодогшоб* «как бы не встал», *бододхой* «хоть бы встал», *бодолойи* «смотри не встань», *бодохуу* «дай-ка встану». В монгольских языках суффиксы являются универсальным способом экономии усилий и времени.

За глагольной формой, морфемой, звуком, частицей, союзом, интонацией скрывается внутренний мир человека говорящего: что ему представляется реальным, незыблемым, а что — ирреальным, иллюзорным, тщетным? Благодаря различным субъективным квалификациям сообщаемого мы узнаем, чего хочет говорящий, о чем мечтает, просит; что его радует, удивляет, восхищает или, наоборот, возмущает, повергает в уныние или отчаяние. Все эти настроения известны каждому человеку, что лишний раз доказывает непреходящую актуальность изучения модальности в любом тексте, когда бы он ни был создан.

«Алтан тобчи» в силу немногочисленности дошедших до нас древнемонгольских памятников письменности является особо ценным описанием жизни монгольского общества в средневековый период. Например, мы узнаем о его контактах с другими племена-

ми: *Qara Kitad-un Kür qaγan-tur oroγsan ajuqu Uyγud-un Tangγud-un γajar-a dayarin* — (Онг-хаган) жил у Кара-китайского Гур-хана, следовал по уйгурским и тангутским землям [Vietze, Lubsang, 1992, p. 1672–1673]; китайские элементы есть в именах собственных: *Онг-хаган* (Ван-хан, ван-«принц»), *Оэлун-уджин* (фуджин «госпожа»), *Алин-тайши* (тайши «наставник»); упоминаются обряды жертвоприношений, наречения отцом и сыном, братьями; в эпических вставках представлены такие жанры, как *магтаал*, *хараал*, *плач*, *обет*, *клятва верности*, содержатся образцы *ораторской речи* древних монголов. Иногда обычные на первый взгляд слова поражают глубоким, часто сакральным смыслом: *дэрэ абаху* — это речь воина, готового упокоиться в бою на телах поверженных врагов; *boyoljar ider-e* — древний обычай монголов: молодожены должны были символически съесть мясо с шеи и глотки животного, которые связаны между собой очень крепкими мышцами; *öndöd-te γaraqū* — «восходить на скалы» означало самому мужественно уйти в свой последний путь...

В «Алтан тобчи» мы видим древний облик современных форм: *yabun ami* (ср. с бур. ябанам) «я хожу» [1172], *kümün bui* хүнэб «я человек» [1172], *qamiγa-aca* хаанһаа «откуда» [1171], *tendese* тэндэһээ «оттуда» [1173], *kemekü buyu ci* хэлэбэш «как бы ты не сказал» [1173], *yaγu kiküi* юу хэхэ «что делать» [1624], *quγuracu odbai* хухаршаба «сломался (неожиданно)» [755], *yaγuci юунише* «(хотя бы) что-то», *mön kü* ср. бур. *диал.* мэнхэн «все равно» [37, 1619] и др. Язык «Алтан тобчи» отличается выразительностью, устоявшимися письменными традициями, в нем много синонимов, многозначных слов, устойчивых словосочетаний, сравнений и др. выразительных средств. Так, у слова *kelen* кроме «язык» есть еще значения «известие, новость»: *tere keleni medeged* «узнав ту новость...» [1189]; «пленник»: *kelen abuya kemen yabuγulju* «сказав возьмем языка, отправили...» [1318]. Синонимами являются *bederikü* и *erikü* «искать» [601, 602], *ayisuqu* и *irekü* «приходить, приближаться» [603], *ese dongγodba* и *dayun ese γarba* «промолчал» [179, 180], *cimarlaqu* и *buruγusiyaqu* «порицать» [868]. Много в тексте сравнений и устойчивых словосочетаний: *aci qariγulur-un* «воздать должное за благодеяния» [523], *köl kündü* «беременная» [376] — табу, оберегающее женщину и ее ребенка; *ami oroγulqu* «вдохнуть жизнь, спасти» [1379]. Описания людей отличаются образностью и натурализмом, передающими представления древних монголов о красоте человека прежде всего как о человеке здоровом: *nidüntüriyen γaltai* «глаза, полные огня» [445], *eligentür sülsütü* «с желчью в печени» [1268], *ayusgi dügüreng jürüketü* «с легкими, наполняющими сердце» [1268, 1269], *aman dügüreng aγartan* «рот, полный дыхания» [1269].

Текст содержит выразительные и яркие сравнения: прерванная жизнь сравнивается с пеплом, развеянным по ветру [1402]; Хоногчин эмэгэн, верный гений-хранитель ханского рода, воспетая позже в шаманских гимнах [Rintchen, 1959, с.113], играла видную роль в спасении Чингисхана и его семьи благодаря тому, что «слышала как колонок» и «видела как горностаи» [777]. А лесная чаща, в которой прячется Тумуджин, такая густая, что «сытая змея не может проползти» [765]. О развитии синтаксиса свидетельствуют «книжные» выражения в «Алтан тобчи»: *Tedeger üges Sayiqan Tüdüger-iyer ögülejü ilegejüki* «слова те были переданы посредством Сайхан Тудугера» [43, 1862–1863]; *ulus-iyān abtabasu* «лишится улуса» [42, 1858]; *seregdebe bida* «мы обмануты» [43, 1892]; *üges ögülegebe* «слова были сказаны» [43, 1863].

Реальная модальность

Реальная модальность в «Алтан тобчи» выражена прежде всего глаголами настоящего и прошедшего времени, которые не содержат в своем значении элемента потенциальности. Их употребление говорящим автоматически относит содержание высказывания в план действительного положения дел, т.к. глаголы настоящего и прошедшего времени

обозначают действия совершенные, совершаемые в данный момент или как регулярные, обычные рутинные действия (момент речи, как известно, может пониматься широко). Но в «Алтан тобчи» формы настоящего времени иногда могут выражать значение будущего времени — способность, которая на современном этапе в бурятском языке утрачена. На морфологическом уровне в «Алтан тобчи» модальность реальности выражается с помощью суффиксов в глаголах настоящего и прошедшего времени:

-m: *Sayıqan üge-ben ögüeldüged tarqaldum tede.* — Добрыми словами поговорив, расходятся они [9, 366].

Qoyar köbegün anu örö jirüke-ben ebedcü söni ginji baququ-yi minu suladqaju qonoɣulam bölüge. — Оба мальчика, боля за меня душой, ночью разрешали спать, ослабив шейную колодку [613–614].

-mui: *Tede irgen inu qadquldumui j-a.* — Тот народ сражается [44, 1935].

Ong qaɣan ene cirig-iyen namayı jasa kememüi andatur bi qadqulduju yadan yabu-luɣa. — Онг хаган говорит командуй этим войском, (начать) сражаться с андой мне было трудно [44, 1947–1948].

-mu: *Qonggirad-un Deyi Secen jolyaba Deyi Secen ögülerün Yisükey quad qamiɣa odumu ci.* — Встретились с хонгиратским Дзе Сэченем, он спросил: «Куда, сват Есугей, направляешься?» [10, 424–425].

Kebtegül-i cirig ker ülü ɣaryaqui kememui ta. Kebtegül altan minu amin sakimu. — «Вы спросите, почему кебтегулы не выступают в поход. Они охраняют мою золотую жизнь!» [54, 2377–2378].

-mü: *Iregsen kümüni yakin teyin kememü ci kemedged ecige-yügen ülü tayalan ginji baququyi anu susalju ɣal-tur tülejü.* — (Сыновья сказали отцу): Зачем так говоришь человеку, который пришел (за помощью), и не снятую их отцом шейную колодку (Тумуджина) разобрала и сожгла [15, 623–625].

-yu: *Sibaɣuɣan ...butan-tur qoryalabasu butabar abarayu.* Если птичка прячется в кустах, куст (ее) спасает [15, 622–623].

Aciraqu biltayur anda minu buyu. — Мой анда — жаворонок перелетный [41, 1791].

-yü: *Yakin teyin siluɣui sidurɣu aq-a degüü-yi olkin qaɣsaɣulun ögüleyü ci.* — Зачем ты, младший брат, оговариваешь своего родного старшего брата? [41, 1793–1794].

Erte tere caɣ-tur jambutyib-un kümün anu qubilju töröyü diyan-u idegen ideyu öber-ün beye-ece genel badarayu ridi qubilɣan-iyar oɣtaryui-bar yabuɣu caɣlasi ügei nasatu buyu. — «В те далекие времена люди на Земле переродились: питались пищей созерцания, тела их излучали свет, с помощью чудесных превращений ходили по небу, а их возрасту не было счета» [1: 7–10].

-nam: *1487Qourci ögüler-ün qatun köbegün cinu mendü bayinam* — Хурчи сказал: «Госпожа и сыновья твои здоровы» [49, 2142].

Bi kedüü-yi inu abqu bui ci kedüü-yi inu abunam kemebesü. — Скажи, сколько (коней) оставлю себе и сколько возьмешь ты [14, 682–683].

-ba: *Jelme öbesüben kü erijü abciraju abcu qaɣan-a uɣulyaba.* — Джэлмэ сам нашел (кумыс) и напоил своего хана [31, 1355–1356].

Mör inu bi jiyaju ögsügei kemedged oroɣ singqulayi Tümüjine unuɣulba. — «Сказав давай покажу тебе дорогу, посадил Тумуджина на Орог Шинхула» [15, 659–660].

-be: *Cinggis qaɣan sonosuyad qataricu kürcü bayuju teberildübe.* — Чингис хаган, услышав (крики), прискакал на коне и, спустившись, обнял (Хадан) [32, 1391–1392].

Tede irgen Bodancar-un qarcaɣai ɣuybasu ese ögbe. — Когда те люди стали просить у Бодончара его сокола, он не отдал [5, 206].

-bai: *Cinggis qaγan yeke cirig mōn tende kü qonobai.* — Чингис хаган и большое войско — все там заночевали [32, 1394–1395].

Dayisun kümün-tür nidün qara oroju umdayan γarγaju amini minu oroγulbai. — В мгновение ока (Джелмэ) налетел на вражеский стан, нашел питье и спас мне жизнь (букв. «ввел в меня мою душу») [32, 1378–1379].

-bei: *Ögelen-Üjin eke köbegüd-i nutuγ-tur gegeju negübei* — Оставив Огэлэн-уджин и детей, перекочевали [12, 490–491].

Tatari qabsan morilaja kemen jürkeni jiryuγan edür külcejü ese kü iregdebei — «Решился потеснить татаров, шесть дней ждали джургэнов, а их все не было» [28, 1235–1236].

-luya: *Degüü minu Bodancar ene mören uruγu oduluγ-a.* — Мой младший брат Боданчар ушел вдоль этой реки [5, 209].

Ayulan degere-ese bi qarbuluγ-a. — «С горы стрелял я» [32, 1408].

-lüge: *Cegere-yin cegejin bögere-yin bögsen-tür atuγai ese kü kemelügei üü bi.* Грудина — в груди, почка в пояснице — так будет! Разве не так я говорил? [19, 798–799].

Bi urida cimadur ese kü ögülelüg-ei üü — «Разве не говорил я тебе (это) раньше?» [793–794].

-juqui: *Ong-qaγan Ilayburi Alin tayisi-tan degüü-ner-iyen bariγuljuqui* — Онг-хаган велел своим приближенным схватить его младших братьев Илагбури и Алин-тайшу [39: 1698–1699].

Ögdegsen kürgen-lüge-ben uyilaju jabuqui-e bidan-u cerig-üid jolyjuqui ere inu dutaγajuqui — Наши воины встретили (Йисуй), когда она плача шла с мужем, которому была отдана, муж скрылся (при виде врагов) [40: 1746–1748].

-jükküi: *Jamuq-a yabudaγ kele-tü bölüge jōb üü dab uu ögülen buyu kemen ese taγalaju ilegejükküi.* — «У Джамухи язык без костей, правильно сказано, неправильно — не различит» [43:1865–1866].

Coci Darmala... Ticerün niruγuni quγu qarbuju alayaγ aduγuban abuγad irejükküi — «Чжочи Дармала,...прострелив (стрелой) позвоночник Тайчару, убил его и, забрав своих коней, вернулся» [1103–1106].

Суффиксы *-juqui* и *-jükküi*, кроме реальной модальности, вносят в предложение разные значения субъективной модальности:

Belgütei ögülerün tan-I bükü bügedeyi cigün-tür ülijü kiduγ-a kemeldübei kemejükküi. — Бэлгутэй сказал: «Вас всех решили уничтожить, сравни с чекой» [39, 1725–1726]. В этом предложении суффикс *-jükküi* вносит значение неожиданности для говорящего, а также выражает его возмущение поведением Бэлгутэя, который выдал татарам секретную информацию.

Tatar irgen ...qoor-a qoliju ögciküi jayura mayui odur-un γurban qonoγ yabuju ger-tür kürjü yekede cilegerkebe. — Татары дали (Есугей-багатуру) отравленную воду; почувствовав себя плохо в дороге, он, через три дня добравшись до дому, слег [11, 458–459]. Здесь суффикс *-ciküi* введен в знак сострадания, сопереживания с Есугей багатуром — отцом Чингисхана.

Ирреальная модальность

Действие, еще не ставшее реальностью, может передаваться с помощью императива, состоящего из основы глагола:

Ta egüni ödter öbcijü sir-a. — Снимите быстро (с козла) шкуру и зажарьте [33, 1434–1435].

Merged-dei saγan aman saγan keger qoyari bariju abcu ire. — Обуздай и приведи меркитских коней Цаган амана и Цаган хэгэра [43, 1904].

Merged-dei cayan aman cayan keger qoyari bariju uya kemegsen üges bügüde-yi ögülejü ögbei. — Чтобы привели и привязали меркитских Цаган амана и Цаган хэгэра — обо всех этих отданных приказах (Хишлиг и Бадай) рассказали (Чингисхану) [44, 1913–1914].

Edüge man-i tarqayuluyad eke degüü-ner-iyen erin od. — Иди, ищи свою мать и младших (сестер и братьев) [14, 610].

На современном этапе в монгольских языках эта усеченная форма употребляется как императив, высказанный в категоричной форме, ср. в бур.: *gar* — «выйди», *bod* — «встань», *güi* — «беги».

Язык «Алтан тобчи» отличается наличием архаичных форм повелительного наклонения, которые в современных монгольских языках не употребляются. Они образованы с помощью следующих суффиксов:

-tuyai: *Ükübesü abasu jayaγan minu medetügei kemen Onan müren uguγu odba.* — Сказав «пропаду или обрету — о том пусть хранитель мой ведает», пустился (Бодончар) вдоль Онона [5, 190–191].

-tügei: *Okin minu öcüken bui ger-tür minu odcu üjetügei kemejü ger-tür-iyen bayulyaba.* — Сказал, дочь у меня одна, зайди в мой дом и взгляни на нее, пригласил слезть с коня [11, 444–445].

-ya: *Erte edür ece ebüges eciges-i bidan-u baraysan Tatar-i edüge ene qaqaqlqa-tur qamsay-a qamtu morilay-a.* — Зажмем теперь в этом ущелье татаров, с давних пор убивавших наших отцов и дедов, выступим вместе в поход [28, 1200–1201].

-ye: *Edür bederiged tarqaju manayar bederiy-e kemeldüjü tarqaba namay-i üje-lüge kemen kümün-e büü ögüle.* — День искали, договорились, что продолжим завтра и разошлись, не поговорись никому, что я (тебя) видел [14, 608–609].

-su: *Qayasaγsan ulus-i cinu qamtydqaju ögsü kemen* — «Раздробленный твой народ объединю (для тебя)» [Там же, 797–798]. Здесь архаичная форма на *-sü* выражает побуждение к действию, обращенное говорящим к себе, и передает чувство долга по отношению к погибшему анде (побратиму). *Ene köbegün-iyen cimada ögsü.* — «Давай я отдам тебе этого своего сына» [4, 154]. *Ci ülü cigaqu bi nekesü kemebe.* — «Ты не сумеешь, давай я догоню, — сказал (Тумуджин)» [15, 653].

-sü: *Qayasaγsan ulus-i cinu qamtadqaju ögsü kemen,* — Рассеянный твой народ соберу и тебе отдам [18, 796–798].

-suyai (-sügei): *Butaraysan ulus-i cinu бүтүгөлдүжү өгсүгеи qayasaγsan ulus-i cinu qamtadqaju ögsü kemen.* — (Онг-хаган) сказал: «Раздробленный твой народ укреплю и (тебе) отдам, рассеявшийся твой народ объединю и (тебе) отдам» [18, 796–798]. *Bi orojü üldejü yarγasuyai.* — «Давай я зайду и выгоню наружу (табун)» [там же: 669–670]. По отношению к сюзерену употребленные формы на *-su/sü* выражают верноподданнические чувства подчиненного: *Oiyin görögesüni bederibesü ayudalju yarγan ögsü.* — «А я лесных коз поищу, облавой (на тебя) их выгоню» [там же: 1036].

-dkun: *Amin ügei bey-e-yi minu abcü odcu yaγu kiküi ta namay-i alar-a edüküye ödter qaridqun.* — Получив мое бездыханное тело, что вы будете с ним делать, вызволяйте меня, пока я жив! [37, 1623–1624].

Ede ekes köbegüd-i nutuγtur gegejü negüdkün büü böged abcü yabudqun kemen manayars-i edür-ece Onan mören ögede ködele-ün. — «Сказали уководим, оставив этих женщин и детей на стойбище, уедем, не забрав их с собой, и назавтра откочевали, двинувшись вдоль Онона» [11–12, 487–489].

-dkün: *Ene eyeben büü ebderedkün.* — «Этого согласия не нарушайте!» [1088]. *Edüge boyoljar ider-e ire-dkün.* — «Приезжайте теперь бахалзура отведать» [43, 1880].

-**ytun** *Nijeged mösün-i bariyulju köbegüd quqalaytun kemen ögbe.* — «По одному прутику в руки дала и сказала: «Сломайте, мальчики» [4, 167]. *Ta aq-a-nar degüü-ner amaraldun sayıqan yabuıtun.* — «Вы, братья, дружно и красиво живите» [9: 373-374].

Потенциальную модальность выражает форма будущего времени:

-**qu:** *Edüge qaıan namayı ükügüldebesü alayan-u tedüi yajar-a üküjü qocorqu soıorqabasu qaıan-u emün-e...qara kürü qamıaru doıtolju ögsü.* — «Если хан велит убить меня, буду гнить в земле размером с ладонь, если пожалует мне жизнь... вдребезги разобью черные скалы» [32, 1408–1412]. *Bi dотора-ki itegel-tu sedkil bölüge yakin yaıaraqu.* — «Внутренне, в душе, я в тебя верил, но зачем я буду торопиться» [32, 1400–1401]. -**kü:** *Kömöldürge ker möltörükü bölüge — tıgri minu idqan amui uu.* — «Седло как соскользнуло (при надетом нагрудном ремне и подтянутой подпруге). — Не удерживает ли меня мой тэнгри?» [13, 575].

Köbegüdiyen cirai ker üjekü. — «Как посмотрю в лицо сыновьям?!» [916].

-**qui:** *Tere üge-tür Cinggiıs qaıan dоторayan Nilq-a Senggüm-tür duur-a qosorciqui.* [42, 1845–1846]. — «За те слова Чингис-хан в душе охладел к Нилха Сэнгуму» (имя примечательное: нилха переводится «новорожденный» — вероятно, в роду его отца, Онг-хагана, был еще Сэнгум постарше).

Edüge gölme-iyen dabsiqui-tur kenggerge-yin daıun bolıaju kökedeg Toıtaqa Buıur-a keger-e bui j-a. — «Теперь в Бугара кегере должен быть Тогтага, который пугается, когда хлопнут по чепраку, потому что ему чудится звук барабана» [19, 824–825].

-**küi:** *Eme köbegün adııun idegen-i minu ünüsü-ber keyisgeküi.* — «Семью и скот мой разводят как пепел» [32, 1402].

-**kün:** *Ker kikün bida kemeldübei* — «Что мы будем делать», — говорили (братья) [39, 1695].

-**qun:** *Ken aburaqun kemeju bölüge* — «Кто спасет?!» — говорила (Оэлун-уджин) (сыновьям)[13: 535].

Basa... jayıısan-i Begter Belgetei aq-a degüü qoyar bulibai ker aldaqun bida — Братья Бэктэр и Бэлгэтэй опять отобрали рыбку, как мы будем (с ними) жить [12, 531–532].

Агглютинативный язык очень легко меняет смыслы с помощью аффиксов, поэтому изучение морфологических средств выражения модальности — плодотворная тема, т.к. они могут передавать кроме упомянутых выше самые разные модальные коннотации. Например:

разрешение: *Söni ginji baıququ-yi minu suladqaju qonoıulam bölüge* [14, 613–614] «ночью разрешали спать, ослабив шейную колодку»;

долженствование: *Uriju ülü ögtekü mör-tei ci* [11, 486] «судьба твоя обходиться без приглашения»; *Belgetei ülü ilaydaqı bölüge* [29, 1283] «Бэлгэтэй не должен был победить»;

возможность: **arıa sayıtu** [36, 1557-1558] букв. «с хорошими возможностями», т. е. «находчивый, смекалистый»;

неизбежность: *Qara terigün-tür-yen kürtekü bolba* [21, 902] «поплатиться мне черной своей головой»;

решимость: *qabcıla sıııusu* [21, 903] «проберусь-ка я в ущелье»;

опасение: *mini tulada ci erüsdegüjei* [16, 676] «как бы ты не погиб из-за меня»;

допущение: *nököseltü kümün buyu* [32, 1415] «человек, с которым можно дружить» (ср. с бур. абахаар «вещь, которую можно или стоит купить»);

смягчение просьбы (*ödterken nekekü* [18, 755] быстренько догнать).

Модальность в «Алтан тобчи» выражена и на лексическом уровне. Реальную модальность в «чистом» виде выражает бытийный глагол *bui*, одним своим фактом употребле-

ния автоматически относя содержание любого высказывания в план реальности: то, о чем говорится в высказывании, есть в действительности. Например: *Cinu suraqui-tur adali tey-imü kümün bui*. — Такой человек, про какого ты спрашиваешь, **есть** [5, 212–213]. Через лексику выражается модальность возможности (невозможности), долженствования (уготованности, предначертанности, неизбежности), желательности (нежелательности):

Tedüi Belgetei abuyad köbcilejü **ese cidabai** tere ebügen köbcilejü Qasar-tu ögbe Qasar delijü **ese dayabai**. — «Тогда Бэлгэтэй, взяв (лук), не сумел (его) натянуть, старик, натянув, передал Хасару, Хасар тоже не смог» [27, 1175–1176].

Arya sayitu külüg Boγorci minu. — Богорчи мой, богатырь, у которого много возможности... [36, 1557–1558].

Tayiciγud bolbau taniγu **yadaba** Merged buyu medeγu **yadaba** Mongγol buyu bolγuju **yadaba**. — «Тайчигуты ли это, меркиты ли, а может, монголы — не смог разглядеть» [34, 1472–1474].

Boγorci oduγad asaγba ta yaγuci irged bui bida **yosutu** ejen tani bui. — «Богорчи, подойдя, спросил: Что вы за люди, мы законные ваши хозяева» [34, 1479–1480].

Kürgejü ülü ögtekü **mörtei** ci **ucarabasu** idekü **yosutai** ci kürtebesü idekü **yosutai** ci. — «Судьба тебе обходиться без сопровождения, есть ты должна что попадетя, есть ты должна, если досталось» [11, 486–487].

Ükübesü abasu **jayayan** minu medetügei kemen Onan müren uguγu odba. — Сказав «пропаду или обрету — о том пусть хранитель мой ведает», пустился (Бодончар) вдоль Онона [5, 190–191].

Kisiliγ jorciγu Baday-a ögüler-ün tuγar-un ögüleγci **mayad** bolba. — Кишлиг, прибежав, сказал Бадаю: «То, что мы говорили намеренно, похоже, правда» [44, 1905–1906].

Jelme ögüler-ün minu sedkil eyin buyu nicügün odor-un ker-ber barigdabasu bi tan-a oγoju irekü **duratu** bölüge. — Джэлмэ сказал: «План мой был такой: явиться раздетым, если бы схватили, сказал бы, что хотел перейти на их сторону» [31, 1366–1368].

Tere üge-tür Cinggiis qayan dotorayan Nilq-a Senggüm-tür **duur-a** qosorciqui. [42, 1845–1846]. — «За те слова Чингис-хан в душе охладел к Нилха Сэнгуму».

Qara keriy-e qalisu idekü **yosutu** bögetele γalayun toγoγuγud-i **idesü** kemen... — «Черная ворона должна питаться корой, а я захотел гусей и журавлей» [21, 899–900].

Qokimai terigün-tür-iyen **kürtekü bolba** bi. — «Отвечать мне своей сухой головой» [21, 907].

В выражении модальности большую роль играют союзы, местоимения и частицы, которых в «Алтан тобчи» очень много. Они выражают разные субъективно-модальные значения, чаще подчеркивая наиболее важный отрезок высказывания:

qoyinaγsi-ban **γaysaqan** kilam kiju üjeküi-tür. — **только раз** оглянувшись [34, 1474];

alay day-a **metu**. — «**словно** годовалый жеребенок» [34, 1494–1495];

ejen-ü jegüdün-ü boljiγ-a **mön metu** bayinam. — «все было **именно так**, как во сне моего владыки» [34, 1474–1475];

qarsayai sibayun **metü**. — «**словно** птица-ястреб» [36, 1550–1551];

Ai jöb **üü**. — «Не верно **ли** (это)?» [966].

Bi urida cimadur **ese kü ögülelügei üü**. — «Разве не говорил я тебе (это) раньше?» [793–794]

Ese tayalaju ilegejüki. — «**не** различит» [43, 1865–1866].

Та **yaγuci** irged bui «**что за** люди вы» [34, 1480]

Yaγun irgen «**что за** народ» [5, 208]

Yambar nayadun bui. — «**Какое (вам)** веселье» [34, 1483–1484]

Yambar sayin ner-e. — «**Какое (там)** доброе имя» [34, 1485]

Inggejü yabuju kücün-iyer öggödeg buyu. — «**Вот как** ты служишь (букв. отдаешь силы)» [34, 1494]

Üle Jandan-tu ülügcі gegün unaytai ögbe **yayu bile**. — «Отдал (Чингисхан) Улэ Данзану кобылицу с жеребенком — **ну и что?**» [37, 1603–1604].

Alabasu deki **mön kü** alagdaqı bi. — «Если убью тебя — **все равно** буду убит» [37, 1619].

Minu amini **mön kü** tede aburmuıu. — «Мою жизнь они все равно спасут» [14, 616].

Eng terigün Maq-a Samadı qayan kemen aldarsıbai. — «**Самым** первым Маха Самадихан вознесся» [1, 31].

Angqanu Bodoncar-i tungqay bıdayu buyu kemen qubi ese ögbe. — «**Только** Бодончару, посчитав его глупым, доли (в наследстве) не выделили» [5, 187–188].

Amaqay-e ükübe kemen Ögelen-e **kürtele** eyin kemegdekü bolba. — «Оттого, что Амагай умер, (**все**) **вплоть** до Огелен могут так (с нами) разговаривать» [11, 485–486].

Basa Toryan Sıra ögülerün. — «Торган Шира **опять** сказал...» [14, 603–604].

Naqu Bayan **nigen-te** dongyoddumui **nigen-te** inigemui. — «Торган Шира (от радости) **то** вскрикивал, **то** смеялся» [16, 688–689].

Субъективная модальность в «Алтан тобчи»

В тексте «Алтан тобчи» ощущается живое участие автора хроники в описываемых им событиях, именно поэтому в нем достаточно много показателей субъективной модальности, передающей эмоциональное, внутреннее состояние говорящего. Он с горечью приводит отрывки из «Сокровенного сказания» о разобщенности и распрях, которые раздирали монгольское общество на пути к новой формации. Прославляя упорный труд Чингисхана и его сподвижников в создании сильной единой власти, призванной положить конец междоусобным войнам, он привлекает богатый фольклорный материал, оригинальные образцы средневековой поэзии, и все это, безусловно, является благодатной почвой для проявления отношения автора к повествованию, что и представляет собой суть грамматической категории модальности.

Субъективная модальность часто выражается синтаксическим способом. О Борте Уджин в знак уважения говорится во множественном числе: *Merged irejü em-e köbegüdi tayulıju odba*. — «Напали меркиты, похитили жен и детей» [18, 790–791]. Высоким слогом говорится и о ее прибытии: *gergei bayulıyaqu* «принять невесту (свыше)». Восхищение созидательным трудом Чингисхана, его матери выражено употреблением высокого стиля: *Qatun törögsen Üjin eke qad köbegüdiyen tejiyerün...yoıa törögsen Üjin eke qutuytan törögsen köbegüdiyen tejiyerün*. — «Госпожой рожденная Уджин эке сыновей-ханулов выкормила...Прекрасной рожденная Уджин эке августейших сынов вырастила» [509–514]. *Ediü üge barıldıju eyin aman aldaju yisün költü saıan tugıyan bayıulju...Cınggis qayan nere ögsü qayan bolıyabai. Mönge tngriyin köbegün Tümüjin Cınggis qayan yeke oro saıubai*. — «Так говоря (букв.: такие держа речи, такие устами говоря слова...), водружая белое девятиножное знамя, дав имя Чингис-хаган, сделали ханом...Сын вечного неба Тумуджин Чингис-хаган воссел на великий престол» [1044–1051]. *Tngry yajar-un ibegel medetügei*. — «Пусть властвуют правители неба и земли!» [42, 1817–1818].

Риторическими вопросами выражаются уверенность, возмущение, отчаяние, сомнения, досада: *Vaquıtu kümün qatıya odqu* «Куда уйдет человек в деревянной колодке?» [15, 627–628]. *Tumudjin anda bıda qoyar-un sübege secijü qabırıya qadqaju yakın qayasaıulba ta*. — «Зачем вы нас с братом Тумуджином разлучаете, вилы в ребра втыкая, в утробу укалывая?!» [25, 1093–1094]. *Ulus ügekün bolbasu yakiqun kemejükiü*. — «Что он может сделать без своего народа?» [42, 1858]. *Aqanar degüüner yakın teyin kildümü ta*. — «Братья, зачем вы так делаете?!» [533–534]. *Gegen saıan edüriyer kümüni aldaba qarangıyui çöni ker*

olqu. — «Белым днем человека упустили, ночью как его найдете?» [604–605]. *Nökör kümünü yasiyun berke ese kü bölügei üü*. — «Не от этого ли горько и трудно человеку без товарища?» [543–544]. *Eyimü qalayuna unğasun dotora kebtegsen kümün ker dayusqu ajuqu*. — «В такой разогретой (на солнце) (куче) шерсти человеку как выдержать? « [633–634]. *Nökör bi cima aca anggida moridiyan ker abqui bölüge*. — «Без тебя, друг, как бы я вернул своих коней?» [681–682]. *Köbegüdiyen cirai ker üjekü*. — «Как посмотрю в лицо сыновьям?!» [916]. *Eligenü uruy busuyu bida*. — «Разве мы не кровные родственники?» [811]. *Eke degüüneriyen erin od ese kelegsен buyu*. — «Разве не сказал я (тебе), иди ищи свою мать и младших?» [620].

Часто попадают усилительные частицы *keb kejiye* «давным-давно, с давних пор» [1590, 1602, 2669], *qab qaranguyi* «очень темно» [13], *Teb Tngri* «очень божественный» [2947, 2952, 3007, 3019, 3037, 3043, 3051, 3063, 3064]; отрицательные частицы, выражающие, конечно, не отрицательную действительность, которой нет, а отношение говорящего к ней: *ülü* [142, 188, 220, 227, 342, 408 и последующие], *bütügei* [13:537, 27:1152, 46:2020, 64:2802]. Усиление производят местоимения и союзы, подчеркивая наиболее важный отрезок речи: *ori* «только» [6, 3273, 3875, 4988] *eng* «самый» [31, 71, 99, 2828, 3098, 3115 и т. д.], *angqan-u* «самый» [187, 234, 258, 287, 3229, 3230, 4101], *mönlü* «тот самый» [1879, 1885] (ср. в бур.: *мүнөөхи* «тот самый»), *ele* «этот самый» [323, 337, 338, 433, 557, 587] и т. д.

Систематизируют, вводят порядок в повествование вводные элементы: *Tedüi atala tayiciyudun Tarγutai...* — «Тем временем, тайчигутский Тархутай...» [561]. *Tedüi ayuju Ögelen Üjin eke köbegüd...oi-tur sirγulaju*. — «Таким образом (букв.: столько, так живя...), дети Өгэлэн Үджин... ускользнули (от погони) в лес» [563–564]; *cinggikü-dü*. — «тогда, вместе с тем» [1483, 1485, 1486]; *egünü qoyina*. — «после этого» [1735, 4993]; *tedüi atala*. — «тем временем» [140, 157, 184, 208, 218 и т. д.], *tere dumda*. — «между тем» [235]. *Börte Üjiniyen jolyaldyuy merged ece abuγsan yosun eyimü buyu*. — «Такова история возвращения Бортэ Үджин от меркитов» [890–891] — такое завершение эпизода в «Алтан тобчи» — со словами «такова история...», «так завершилось...», подводными итог сказанному — очень употребительно: [60, 343, 381–382, 395, 711, 950, 890–891].

Экспрессию придают «кусочку действительности» парные слова и повторы: пренебрежение выражают *gemür simür* «плохое поведение» [84: 3702], *eremdeg jemdeg* «кривой, увечный» [12: 524], *kenükei uyγan-uqai, ken-u uyγan-u* «чей, кому-чему (принадлежишь?)» [5: 207, 4: 171]; *sabcildun γubcildun* «распри» [9: 358]; *östen kisten* «мстительный» [27: 1190, 28: 1234]; *ere-yin er-e*, наоборот, выражает восхищение и переводится «достойнейший из мужей» [29:1271].

Способствуют изображению реальной картины и фонетические средства. Мягкими, сонорными звуками передаются сцены спокойного, безмятежного отдыха: *sedkil-i minu amuraldun* «успокоение моей души» [25: 1078], *engke amuyulang* «благополучный, мирный» [36: 1573]; *bulyan ölögei ögcü bölüge* «подарил соболью колыбель» [48: 2097]. А вот утреннюю тишину нарушает громкий крик верной Хоногчин-эмэгэн: «*Eke eke! Ödter türgen bos! Bos!*» «Госпожа, госпожа! Скорей вставайте! Вставайте!» [17:734], а враги уже приближаются «*šog šog*» *qataran* «скачут: цог, цог!» [36: 1560]. А перед боем под черным флагом густо рокочет барабан — *kenggerge* [824, 3929].

Шарль Бали не случайно назвал модальность «душой предложения». Исчезают века, народы, цивилизации. Но если есть письменные памятники — всегда есть возможность почувствовать, ощутить «душу» текста через его модальность, когда бы он ни был создан. Она обнаруживается на любом ярусе языка и «разлита» в тексте, как кислород в воздухе. Просто мы не замечаем ее, как не замечаем воздух, которым дышим. Именно из-

за этой ее способности присутствовать в предложении незаметно, неназойливо, прежде всего в предикатах, частицах, в значениях и тончайших оттенках слов, и кроется причина устойчивого интереса исследователей к проблеме модальности.

Таким образом, категория модальности в «Алтан тобчи» представлена системой разноуровневых средств, имеющих ядерно-периферийную организацию, включающую в себя формы наклонения в качестве центра и лексические, синтаксические, фонетические средства выражения, в которых модальная составляющая по мере отдаления от центра функционально-семантического поля слабеет. Признак «реальность» убывает по мере удаления от центра: если в начале описания наблюдается совпадение действия с моментом речи, то в отдалении от ядра реальность размывается до значений потенциальности и ирреальности.

Модальные значения реальности/ирреальности, а также потенциальности выражаются в каждом предложении «Алтан тобчи» формами наклонения. Наблюдения над этими формами свидетельствуют о том, что разговорная речь, которая из-за своей экспрессивности всегда сопряжена с модальностью, расшатывает традиции письменного монгольского языка. Так, в современных монгольских языках не обнаруживаем многих формантов индикатива: -уу: *ulus-iyān barayū* — «народ загубят» [77: 3390–3391], *qoyitu-yūyan umartayū* — «забудет свое прошлое» [77: 3393–3394], *yal-i sönögeyu* — «(если) полить огонь (водой)» [77: 3394–3395], *esege tölöge barayū* — «(козлята) мучаются и гибнут» [77: 3395–3396], *jambutyib-un kümün anu qubilju töröyü* — «люди на Земле переродились» [1: 7-10]; форм на -m, -mu/-mü, -mui/müi: *sanam* — «думаю» [4: 175], *yarju odum* — «уходит» [4: 174], *dayisun jolyam* — «встречаю врага» [33: 1439–1442], *üsüg umdayan uuju odumu* — «пьет кумыс и уходит» [5: 213–214], *yakin teyin kildümü ta* — «зачем вы так делаете» [13: 533–534], *yaγun bolumu* — «что происходит» [31: 1360], *yambar üge ögülemü* — «что ты сказал» [6: 226], *kememui ta* — «скажете вы» [54: 2377–2378], *jobalaldumui* — «будет мучаться (со всеми)» [54: 2378–2379], *asaramui* — «доставит» [54: 2378–2379], *umdayasumui bi* — я хочу пить [31: 1349], *kemegdemüi* — «говорят» [21: 915].

Объясняется это явление, вероятно, тем, что, по мере того, как в языке все более развивалась способность передавать различные модальные нюансы означаемого, порой очень тонкие, добавлялись средства для этой передачи: модальные частицы, модальные глаголы, модальные слова, которые все чаще «перетягивали» на себя выражение модальных значений с индикативных форм. Явление это иногда подмечается в литературе как «общая тенденция большинства монгольских языков выражение модальных значений переложить с глагольных форм на лексические средства» [Санжеев, 1963, с.193].

В связи с этим формы имперфектного претерита и перфектного презенса выходили из употребления, и в первую очередь, надо полагать, стали малоупотребительными формы с наиболее выраженной модальной нагрузкой (в современном бурятском языке они не употребляются): перфектный претерит на -лаа, -лээ (аффикс, оставшийся от -luγa, -lüge), обычно вносил в предложение модальное значение подчеркивания важного момента речи; иногда эта форма обозначала такое действие, «о котором как бы лишь упоминается» [Там же, 188]. Имперфектный претерит на -жээ обозначал действия необычные, неожиданные; значение «заглазости», т. е. действия, в котором говорящий не принимал участия, содержали формы на -зихüi, -зүкüi [Орловская, 1999, с. 83]. Перфектный претерит -ji вносил в предложение значение достоверности, убежденности в совершении или необходимости совершения обозначенного в глагольной основе действия. Формы на -m, -mu, mü обозначали действия, совершавшиеся обычно, постоянно, часто, повседневно: *Ödür büri mantur ireju esükcileju odumu* [5: 213–214]. — «Каждый день приходит к нам, пьет кумыс и уходит».

При сохранении общей структуры категории модальности получили дальнейшее развитие лексико-грамматические, синтаксические, лексико-синтаксические экспликативы модальности, развиваются и собственно грамматические показатели модальности: в границах повелительно-желательного наклонения все чаще о себе заявляют значения дубитатива, конъюнктив, прохибитива, пермиссива, дебитива, которые, правда, часто зависят от контекста. С другой стороны, система наклонений обнаруживает определенное постоянство в сохранении своих маркеров: передача значения императива с помощью основы глагола, показатели оптатива на *tuɣai* (-tügei) / -hai, -hэй, -hoi; волонтиатива на -ja (-je, -jo) / -я, -е, -е; пермиссива на -su (sü)/һуу, һүү.

На современном этапе развития бурятского языка в выражении модальных значений большую роль выполняют частицы. Частиц в бурятском языке очень много. В современном бурятском нередко частицы образованы от древних глаголов. Так, утвердительную частицу *hэн* (hэн, hon) Г. Д. Санжеев возводит к причастию прошедшего времени *ауһан*, который восходит к вспомогательному глаголу *а- «быть» (Санжеев, 1963, с. 190). Глагол *бо «быть» с разветвленной сетью форм (*böläge, bökü, böküi; bögöd* и др.) дал современную частицу *бэлэй*, которая имеет модальное значение утверждения, реальности действия. К слиянию глагола *бии* с частицей *зай* возводит образование предположительной частицы *аабза* Н. Н. Поппе [1938, с. 264].

Процесс образования модальных частиц из полнозначных глаголов продолжается и в современном бурятском языке, это видно на примере образования усилительных частиц *суу сохихо* — «пробить насквозь» (*суу* ← *суулаха* «продырявить»), *таһа татаха* — «совсем оборвать» (*таһа* ← *таһалаха* «оторвать»), и таких усилительных частиц достаточно много.

Подавляющее большинство бурятских частиц имеет то или иное модальное значение (см.: [Будаева, 1989, с. 91–100], [Панов, 2016, с. 101–128]), Э. Вандуй считает, что частицы в монгольском языке служат только для придания модальных оттенков и значений отдельным словам или всему предложению [Вандуй 1966, с. 224–232] (см. также [Лувсанвандан, 1968, с. 84]).

Расширяется в монгольских языках и круг модальных глаголов, модальных слов. В «Алтан тобчи» их роль выполняется в основном глаголами *böläge, bui, buyu, ög-, ab-*. В языке сегодняшнем модальные функции вспомогательных глаголов настолько развились, что в их число попадает все больше глаголов, иногда даже самых обычных, выступающих в определенном контексте в качестве функционально-модальных глаголов: *Ерэхэе хатаг!* — «Черта с два придет!», «Да не придет он!» (*хатаха* — «сохнуть»). *Ойсоо агнажа хэбтүүжэн.* — «Пусть себе охотится в лесу» (букв.: Пускай лежит охотится в лесу). Здесь глагол *хатаха* — «сохнуть», утратив свое лексическое значение, употреблен в качестве модального оператора для выражения уверенности говорящего в высказанном им предположении. А глагол *хэбтэхэ* — «лежать» выражает субъективную модальность: чувство досады и пренебрежения к объекту высказывания. В подобной функции можно встретить глаголы *абаха* — «взять», *үгэхэ* — «дать», *орохо* — «войти», *ошохо, ябаха* — «идти», *ерэхэ* — «прийти», *орхихо* — «оставить», *хаяха* — «бросить», *һууха* — «сидеть», *алдаха* — «лишиться», *мэдэхэ* — «знать» и др.

Литература

1. Будаева Г. Д. Частицы бурятского языка как лексическое средство выражения модальности // Лексико-грамматические исследования бурятского языка. Улан-Удэ, 1989. С. 91–100.
2. Вандуй Э. Сул уг. «Орчин цагийн монгол хэлзүй». Улаанбаатар, 1966. 224–232 дахь тал.
3. Лубсан Данзан. Алтан тобчи («Золотое сказание») / пер. с монг., введ., коммент. и прилож. Н. П. Шастиной. М.: Наука, 1973. 438 с.

4. Лувсанвандан Ш. Орчин цагийн монгол хэлний бүтэц. Монгол хэлний үг, нөхцөл хоер нь. Улан-Батор, 1968. 190 х.
5. Орловская М. Н. Язык «Алтан тобчи». М., 1984. 234 с.
6. Орловская М. Н. Язык монгольских текстов XIII–XIV вв. М.: ИВ, 1999. 182 с.
7. Орловская М. Н. Очерки по грамматике языка древних монгольских текстов. М.: Восточная литература, 2010. 303 с.
8. Панов В. А. Бурятские заключительные частицы в ареально-типологической перспективе // УАИ. 2016. № 4. С. 101–128.
9. Поппе Н. Н. Грамматика бурят-монгольского языка. М.; Л.: АН СССР, 1938. 268 с.
10. Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М., 1963. 266 с.
11. Харчевникова Р. П. Система глагольного наклонения в современном литературном калмыцком языке: автореф дис. ... д-ра филол. наук. М., 1996. 72 с.
12. Цыдендамбаев Ц. Б. Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. М., 1979. 147 с.
13. Hans-Peter Vietz, Gendeng Lubsang. Altan Tobci. Eine mongolische Chronik des XVII. Text und Index. Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa. Tokio, 1992. 278 p.
14. Rintchen B. Les materiaux pour l'étude du chamanisme Mongol, 1. Sources litteraires, Otto Harrassovitz. Wiesbaden, 1959 (Asiatische Forschungen, Bd 3). 156 p.